

Просто Мария

Рассказ

1.

– Бр-р-ежнев! Бр-режнев! Бр-режнев, – тихо, но с силой выдавливала из себя пожилая женщина. Она сидела на первом сидении старенького автобуса, повернувшись лицом к окну, и всё время повторяла фамилию генсека. Не просто повторяла, а всякий раз с новой интонацией, сопровождая эти слова одинаковым движением руки с вытянутым вперёд указательным пальцем. Будто иглой пронзала кого-то. На пассажиров она не смотрела, а те старались отвернуться и делали вид, что ничего не слышат. За пять минут до конечной остановки автобус обычно притормаживал, водитель открывал дверь и выпускал никому не известную женщину. Оставаясь стоять на заснеженном тротуаре и чего-то ожидая от тёмного, холодного зимнего утра, она продолжала свой убедительный монолог. А пассажиры, уткнувшись в окна, провожали её испуганными взглядами.

Так повторялось изо дня в день. Автобус не венгерский, а наш, львовский. Поэтому зимой в нём было тепло, хотя всегда пахло бензином. С пяти утра он ездил по городу и собирал работников птицефабрики. В одном и том же месте «чокнутая» вместе с очередной группой пассажиров садилась в автобус, а через двадцать минут уверенно поднималась и шла к выходу. Все уже привыкли к ней, будто к заводскому гудку. Начиналась утренняя смена, и об этом забывали.

В убойном цехе птицефабрики начальником значилась Екатерина Павловна Нелидова. В год столетия со дня рождения Ленина, в декабре, у неё родилась дочь. Она назвала

её Марией. Мать частенько потом говаривала в присутствии мужчин, что это её подарок к юбилею Ильича. При этом умудрялась делать вид, будто подарок относится не пойми к какому. Тогда по телевизору и по радио чаще говорили о другом Ильиче. Мужа у Екатерины Павловны не было, так что девочка воспитывалась без отца.

Жили мать и дочь бедно, в деревянном двухэтажном доме на пять семей на окраине Ленинграда, в посёлке Горелово. Маша самостоятельно вставала каждое утро, собиралась и шла в школу. Когда уроки заканчивались, возвращалась домой и готовила обед. Мать добиралась до своего жилища только поздно вечером. После смены ей нужно было зайти в магазин и купить продукты. Уставшая и изнервничавшаяся, она еле успевала поест то, что приготовила дочь, просмотреть её тетрадки, дневник, прочитать нотацию и тут же заснуть.

Рабочих на фабрике всегда не хватало. Чтобы хоть как-то заткнуть дыры в производстве семи тысяч голов птицы за смену, да и ради лишних денег, начальница цеха в школьные каникулы брала с собой Машу и её подруг. Сначала, ещё в автобусе, они минут двадцать украдкой наблюдали за «чокнутой». Потом, придя в цех, надевали ярко-зелёные береты из полиэтилена, белые халаты, фартуки из клеёнки, такие же зелёные, как и берет, резиновые перчатки, брали в руки вилки для потрошения куриц и приступали к экзекуции. Отрубали курам головы и вынимали потроха.

Единственное дельное, что перешло от матери к дочке, так это умение шить. Маша могла сшить брюки, платье, рубашку. Причём это занятие доставляло ей удовольствие. Всё-таки не чан, наполненный потрохами от мёртвых куриц.

После восьмилетки Мария Нелидова поступила в Ленинградский ордена «Знак Почёта» техникум лёгкой промышленности и спустя два года уже умела моделировать и конструировать различные швейные изделия. Особенно хорошо она делала сложные выкройки, могла вышивать на различных отечественных и иностранных швейных машинках. Сразу после окончания учёбы Машу взяли на работу в кооператив. Там она времени зря не теряла — обзавелась

клиентами. Пошли приличные деньги. Мария приделась, зачастила с подругами в кино. Ей нравилось смотреть про путешествия, куда-нибудь далеко-далеко, в Южную Америку. Она всё время напевала одну и ту же песенку: «Увижу ли Бразилию, Бразилию, Бразилию, увижу ли Бразилию до старости моей?»

Когда Маше исполнилось восемнадцать, от рака умерла её мать. Ведомственное жильё, разумеется, отобрали.

Договорившись с подругами, Нелидова почти каждую ночь спала на новом месте, всё время приговаривая: «Я как молодая каймановая ящерица. Та хоть и обитает на Амазонке, а тоже в одном месте не зимует». Поначалу ей нравилась такая «романтика». «Можно даже и в шалаше, – говорила она подругам. – А что? Родителей нет, дома нет. Зато уже есть паспорт, можно голосовать. Вот свобода-то!» На самом деле бюллетень для голосования ей не давали, так как сначала нужно было получить прописку. Со старого места выписали, а нового-то и не было.

В 90-м ей это надоело и, наверное, от безысходности она решила сойтись с начинающим бизнесменом Игнатом. Парень был серенький, невыразительный, с короткой стрижкой, почти лысый, но при деньгах. В школе учился плохо, зато занимался фарцовкой: выменивал у иностранцев жевательную резинку, а потом толкал её своим одноклассникам аж по рублю за пластинку. Так что бизнесу вроде как обучен ещё с малых лет.

2.

Теперь жизнь Маши сразу превратилась в бурный и неуправляемый поток. То много денег, то нет совсем. То все вокруг неё радуются и гуляют как умеют, то прячутся от кредиторов и слоняются бледные и пришибленные. Всё больше молчат и собирают сумки с самым необходимым: бельём, физкультурным костюмом и кроссовками. Это для тюрьмы, если не получится дружба с государством, или для «погружения», если понадобится скрываться от бандитов и кредиторов.

В начале лета девяносто второго им достался контейнер с растворимым кофе из Израиля. Голубые большие банки,

чуть помятые и с красными буквами на иврите, ушли «влёт». Люди покупали и не спрашивали, почему банки кривые – буквы нравились. А Игнату их отдали за полцены. Сразу «поднялись» и намылились съездить за границу. Стало быть, в Париж. Куда же ещё-то? Отправились в тур-агентство, заказали билеты на самолёт и два номера в самой дешёвой двухзвёздочной гостинице на Монмартре. Один для Игната с Марией, другой – для приятелей-компаньонов. Там же уговорили купить ещё три экскурсии по Парижу.

И вот они топают по улицам города, о котором мечтали тогда все поголовно. Языкам не обученные, образованием не обременённые, простые донельзя и бесхитростные – всё на лицах написано. Как такие в бизнесе держатся!? Уму непостижимо!

Наполнив сумки всякой мелочью из магазина «Тати», что на площади Республики, сели они на пароходик и давай глазеть по сторонам да слушать гида. Посмотрели направо – увидели остров Ситэ и Собор Парижской Богоматери. Вспомнили старый французский фильм: Квазимодо, Джину Лолобриджиду... Потом Сена поворачивала влево, а справа появилась площадь Согласия. От неё до площади Звезды тянулись Елисейские поля. Правда, они тянулись совсем в другую сторону, отдаваясь от пароходика. Перед мостом Александра III, слева – Дом Инвалидов. Почему инвалидов? Маша так и не поняла. Там похоронен Наполеон, но он же не инвалид. Туда же, будто специально, подложили сердце того самого маршала Груши, который не подоспел ему на помощь, и в результате Наполеон был разбит. Это все знали по фильму «Ватерлоо». Ну, ещё видели огромное Марсово поле, за ним здание Юнеско и круглые высокие башни Консьержери, где сидела Мария-Антуанетта и ждала, когда ей отрубят голову...

Довольно быстро всё услышанное выветрилось из головы. Они вылезли на берег около моста Иены. Там, совсем рядом, торчала высоченная и вся в огнях Эйфелева башня, как говорят, самая дорогая недвижимость в мире. У моста им показали место на реке, где несколько лет стояла

красивая баржа, в которой жил не то Пьер Ришар, не то Ален Делон. Гид толком сама не знала. «Аленчика», конечно, все помнили, любили и потому сразу оживились. Маша не была исключением. Такие брюнеты с тонкими чертами лица и с синими глазами ей нравились. Ещё бы!

На башню Мария и Игнат не полезли, захотелось есть. Оторвались от своих приятелей и, не задумываясь, ввалились в первое попавшееся кафе. Уселись, им подали меню, уставились на иностранные слова, ничего не понимают. Первые два дня они питались в таких местах, где в меню рядом с названием блюда размещалась его фотография. А тут ничего такого не было. В общем, влетели! Да ещё оплаченную экскурсию пропустили на эту крашеную вышку, всю в заклёпках – тоже попали долларов на двадцать. Расстроились – паршиво на душе. Официант несколько раз ненавязчиво «проплывал» мимо, пытаясь сообразить, выбрали они что-нибудь или ещё пребывают в поиске?

Молодой бизнесмен из России не выдержал и, когда парень в красно-белой униформе подошёл в очередной раз, с достоинством поднял голову, строго глянул на официанта и, смотря ему прямо в рот, стал громко повторять одно и то же: «Ням-ням, ням-ням, ням-ням...» Причём, чтобы не казаться уж совсем ограниченным человеком, он это произносил, всякий раз с разной интонацией и наклоняя голову.

Нужно отдать должное персоналу кафе, готовому ко всему и прекрасно знакомому со вкусами туристов из России. Им принесли луковый суп в маленьких глубоких тарелочках, потом бараньи рёбрышки с соусом и зелёным горошком, а в конце – целый горшок с чёрными горячими ракушками. Там лежали мидии. И вкусно, и будет что вспомнить. Хлеба не дали. Ну, уж не без издержек! О вине вспомнили, но, как им показалось, поезд ушёл. Восхождение на башню закончилась. Нужно было отправляться всей толпой на последнюю экскурсию, к «Сакре-Кёр», белеющему где-то сбоку над всем Парижем.

Устали. Устали шляться по музеям, слушать гида с его рассказами про французскую историю, про Наполеона, Дантона и Мирабо... Устали есть каждый день помногу, одно

и то же. Игната потянуло домой. Ему бы на природу, шашлычки, да водки холодненькой с селёдочкой и лучком. Вокруг ребята, гитара, в карты перекинуться...

Маша, наоборот, никогда до сих пор не бывавшая в музеях, поглощала новое, впитывала всё как сухая губка. Ей хотелось узнать у кого-нибудь, нашли потом погибшего французского лётчика или нет? Она даже запомнила полное имя автора «Маленького принца»: Антуан Мари Жан-Батист-Роже де Сент-Экзюпери! Ей бы ещё постоять в зале Лувра, где она увидела картину, на которой женщина любит игру младенцев в саду. «Вот бы такую жизнь!», — подумала Мария и, замечтавшись, остановилась.

Игнат схватил её за руку и потащил прочь от картины Рафаэля. Нужно было догонять остальных, и Маша вновь окунулась в кислую реальность. Одного из приятелей вырвало прямо на пол в зале, где висела картина с Джокондой. Ночью за картами перепили. Все люди как люди. Ну и что, что пьяные, то есть нетрезвые! За билеты уплатили, идут себе ровненько, стараясь меньше шевелиться, только глазками зырк-зырк в разные стороны. А у этого бугая — всё не как у людей.

Сразу появилась женщина в белоснежном халате, резиновых перчатках и со специальной коляской. Из коробки с отверстиями она сыпала пол мелкими опилками и, не обращая внимания на окружавших её туристов, шваброй собрала в блестящий никелированный совок завтрак коллеги Игната по ночным картам, поместила всё это в красненькое пластмассовое ведёрко и исчезла.

Как ни уговаривала Маша своего бойфренда, ничего не помогало. Он досидел оставшиеся три дня в отеле, да и Машу никуда не пускал, чтобы та не тратила попусту деньги. Она, конечно, расстроилась. Ведь пройдёт время, и ей ещё нужно будет вытащить Игната в Бразилию. Это уж обязательно. Она видела в кино, что там в бассейне Амазонки водятся огромные ящерицы, которые глотают большие раковины. А те, может быть, даже с жемчужной горошиной.

— Дура! — просто реагировала на её мечты соседка по автобусу. — Зачем тебе ящерица? Пусть твой просто жемчуга дарит, без всяких там ящериц. Зачем тебе ящерица-

то? Чего с нею делать потом? А как доставать? Ты что! Реально – проблема!

В номере, в котором жили Маша и Игнат, по вечерам собирались все единомышленники по бизнесу. Однажды засиделись за пивом и картами, всю комнату прокоптили. Смотрят, дымок стелется над изящным диванчиком. Кто-то так спешил вернуться к игре, что просто бросил на диван недокуренную сигарету. Теперь там была дыра с блюдце. Все приуныли и сразу протрезвели. Конечно, возьмут денег за испорченный диван, а денежки-то уже заканчивались. Кто подушку предлагает положить на это место, кто плед купить и покрыть дыру. Мария всех удивила своей находчивостью и уверенностью.

– Значит, так! Слушай сюда! Идите в магазин, купите ножовку и полиэтиленовые мешки для одежды. Включим погромче телевизор с ихним роком, распилим диванчик на мелкие куски и вынесем за день всё это хозяйство, как и не было. – Бизнесмены сами по себе почему-то выстроились в ряд и, вытянув вперёд пьяные головы, с сигаретами во рту, внимали «командиру». – Ты найдешь самый удобный мусорный павильон, – это она Игнату поручила, – там нужно оставить только содержимое мешков, а мешки опять вернуть в номер, – Маша усердно вдальбливала в головы картежникам их незатейливые функции.

Началась круговерть. Мешки набивали одеждой и выносили из гостиницы, или хотя бы на другой этаж, чтобы горничная видела в них одежду. А между «пустыми» рейсами в таких же мешках выносили куски от распиленного дивана.

На следующий день пришла уборщица. Поглазела по сторонам, да как завопит. По-французски, конечно. Подошла тётка-портье и с перепугу начала говорить почти по-русски. Мол, где диван-то? Ну, к полотенцам они уже привыкли, что их постояльцы из России уносят. К тапочкам, бутылочкам с шампунем или там к ровненько сложенным блестящим иголочкам с нитками... А тут целый диван!

Игнат не мог не поизгаляться. Он подошёл вплотную к уборщице и, повернувшись к ней спиной, отставил зад и похлопал себя по круглым ягодицам.

Выразительность жеста была убийственной. Обе француженки крепко задумались и покинули номер.

Так и завершилась встреча Марии с Парижем, с европейским искусством, с границей. И, наверное, последняя. Уж больно Игнат был не в себе: «Потерял время. Лучше бы затеял ещё что-нибудь купить-продать, пока здесь любовались могилами да домами».

3.

Квартира, которую Игнат купил после «прухи» с израильским кофе, была одновременно жильём, офисом и помещением для переговоров. На телефоне в коридоре сидела молодая секретарша с дипломом об окончании филологического факультета питерского университета и весело отвечала на звонки.

– Да. Штаб Деникина, слушаю вас. Кто? Одну минуточку...

– Кончай трепаться, – прерывал её Игнат. – Никого нет на месте. Понятно? Всё записывай и ничего больше не говори. Если Венгрия – сразу зови.

А секретарша всё равно не могла удержаться и в следующий раз кричала в трубку что-нибудь другое: «Штаб Первой конной армии», или «Бизнес-центр „Земляничная поляна“ имени товарища Бергмана».

Приближался Новый год, а венгерское шампанское так и не приходило. Почти все деньги туда вбухали, в эту «Мадам Помпадур». Ещё хорошо, что наняли рефрижератор за две тысячи долларов. Другие почти задарма подрядили обычные фуры с брезентовым верхом. Так им сейчас всё равно. Когда грузовики спустились в предгорья Татр, из-за перепада давления у всех бутылок было срезано горлышко, будто гусары погуляли. Ну, а они вот ждут. Завтра уже Новый год. А ещё нужно растаможить, разгрузить и развезти по точкам.

Вообще-то, все уже понимали, что влетели с этим шампанским. Как-то не задумывались раньше, что особенность этого товара в том, что он после 31-го декабря просто никому не нужен. Конечно, кроме аристократов или дегенератов,

как ясно выразился народный артист в фильме «Бриллиантовая рука». Аристократов ещё пока нет, а вот вторых... На них только и надежда!

Пришло газированное зелье прямо под Новый год. Торговые точки его не берут – отправили на склад. Но денег больше не было, так что склад сняли неотапливаемый. Почти пустой: доски чьи-то, стройматериалы всякие, да вот ещё ящики с шампанским. Теперь придётся ждать до восьмого марта!

И надо же такому случиться, в феврале мороз – двадцать пять градусов. Охранник звонит в «Штаб Деникина» и просит послушать. В трубке раздавались частые щелчки, как на приборе для замера радиации.

– Это бутылки взрываются... Алё! Слушаете?... Алё! Чего делать-то? – кричал на другом конце охранник.

Мария опять первая среагировала. Она выхватила трубку из рук незадачливого муженька и принялась отдавать чёткие команды:

– Жги чужие доски. Там ещё полиэтилен есть. Большие рулоны. Нужно натянуть сверху. Где хочешь, достань вентилятор или сам руками гони дым под полиэтилен...

Она вообще была женщина решительная. Это все уже познали на своей шкуре. Во-первых, подруга главного партнёра. Ну, а во-вторых, действительно, чаще всего дело говорила, хотя и не была в теме.

Взорвалась примерно треть всего товара. В остальных бутылках выпал осадок – их уже не продать. И опять эта Машка! Прямо гений какой-то! Она предложила все бутылки отвезти в рестораны и кафе и отдать за полцены.

– Правильно. Там, когда льют шампанское в бокалы, – сразу сообразила секретарша, – обычно закрывают бутылку белым полотенцем, чтобы не залапать, ну там чтобы рука не замерзла и ещё чтобы потом с горлышка капли снимать.

Как по команде все повернули головы и уставились на «штатного филолога». В глазах у бизнесменов светилось что-то среднее между удивлением и уважением. Они-то всегда считали, что полотенцем официант вытирает стол... или руки.

В один из дней во время февральских морозов Игнат вернулся домой хмурый и встревоженный.

– Всё, Машка, кранты.

По совершенно белому лицу Игната Мария решила, что бизнес её бойфренда совсем накрылся и нужно срочно сватывать, а то порежут. Однако Игнат продолжал бубнить какую-то немыслимую ахиною, которую невозможно было понять. Маша велела ему начать сначала.

– Сердце кровь гонит по правой стороне тела, а в левую не докачивает, – членораздельно, но с трудом пояснил Игнат.

– Это как?

– Был сегодня на складе... Холодрыга! Одел дублёнку, зимние сапоги. Так вот всему телу тепло, а левой половине – как бы холодно.

– Это ты мне говоришь? Ну, ты и лох, Игнат, а ещё диплом купил. Я же тебе говорила, не бери дублёнку в арабском квартале. Не послушал, пожмотничал, вот теперь и расхлёбывай. Тоже мне – с-е-е-рдце не докачивает! Дай сюда!

Маша взяла новенькую коричневую дублёнку, купленную в Париже, и, вывернув её наизнанку, рассмеялась. Один рукав, левый, был без настоящего меха. Так, какое-то подбие и только.

Время шло, а материальное благополучие молодого бизнесмена и его сотоварищей к лучшему не менялось. Мария всё чаще стала вспоминать Лувр, чудесную картину с маленькими детьми, от которой веяло спокойствием. Нужно было что-то делать. Нужно самой искать деньги, если Игнат-оболтус не может. Влечение к молодому и поначалу успешному предпринимателю с каждым днём выветривалось всё сильнее и сильнее.

Через месяц за долги пришлось отдать квартиру и переселиться в коммуналку. Секретарша из «Бизнес-центра „Земляничная поляна“» уволилась. Кроватей нет – раскладушки, нераспакованные сумки с одеждой. Игнат объявлялся на минуту-другую, весь пришибленный – постоянная беготня от кредиторов любого доконает. «Меня нет!

Гоню металл в Бельгию», – то и дело слышала от него Мария. Потом он исчезал ещё на неделю. Потом ещё...

«Ну, достаточно, – уверенно сказала себе Мария, – наелась вдоволь. Надо срываться. А то с меня начнут требовать его долги. Ребёнка не хочет, поехать со мной в Бразилию не может, постоянно всем должен...» Плохо стало у неё на душе, совсем невольно, и она ушла.

4.

Поезд «Санкт-Петербург – Варшава» прибыл точно по расписанию. Из купейного вагона вывалилось человек сорок с сумками, баулами и чемоданами. Четыре молодые девушки, видимо, познакомившиеся ещё в поезде, сбились в кучку в стороне от основного потока пассажиров. Все они приехали, чтобы поработать в окрестностях Варшавы домработницами или гувернантками, по рекламному объявлению в газете и теперь ждали встречающего.

Вскоре появилась пожилая женщина, одетая не по сезону в поношенное длинное серое пальто. Под ним виднелись несколько разноцветных шёлковых юбок, блестящие коричневые сапоги плотно обхватывали полные, неповоротливые ноги. В руках старуха держала палку с белой табличкой. Там с трудом можно было прочесть название принимающей фирмы, написанное по-русски жирным синим фломастером.

– С этого вагона все собрались? – первое, что услышали от неё девчонки. Голос был грубый и вибрирующий от хронического насморка. Однако говорила бабка на чистом русском языке без акцента. – Ещё две где-то должны быть? Что же вы все растерялись по дороге? Теперь ищи! – У старухи явно испортилось настроение. – Машина ждать не будет. Не будет ждать...

Она ещё что-то в сердцах сказала по-польски, засуетилась, потом махнула рукой и медленно потянулась со своим выводком к выходу из вокзала. Девчонки шли молча, переглядывались и пожимали плечами, как бы отвечая друг другу, мол, никого больше они не встречали, с самого Питера только они и никого больше.

Мария Нелидова ещё в вагоне завоевала авторитет. Кипяток им принесут, чай в стаканах с подстаканниками тоже. Без соды и со свежими пакетиками. Все они ехали в одном купе. За места в поезде уплатила принимающая компания-посредник. Перед конечной остановкой Маша отправилась к проводнице, пытаясь хоть чуточку выведать у той что-нибудь полезное. Узнала, что каждую неделю, также как они, едут группочки в Польшу на работу. Особенно часто стали ездить в последние два месяца. Но так, чтобы обратно кто ехал, не видела. Может, поодиночке? Группу ни разу не видела.

Рядом с вокзалом, сбоку в переулке, стоял микроавтобус. Девчонки весело уселись, и машина тронулась. Но ехали недолго. Через полчаса все вышли, забрали сумки и вместе со старухой направились к большому фургону, вернее, даже к рефрижератору. Мария почувствовала неладное, схватила рукой соседку и потянула в сторону. До леса оставалось шагов пятнадцать. Но это не свой лес. Чёрт его знает, может, он кончится через сто метров...

Тут же из огромной машины выскочили шесть здоровенных мужиков. Они повалили девушек на землю, связали руки за спиной, засунули кляпы, потом поволокли за собой, втащили в рефрижератор, бросили на пол и завалили матрацами. Железные гофрированные двери закрылись. Больше внутрь не поступали ни свет, ни воздух. Мужики опломбировали закрытые двери и сели в две легковушки, а фургон медленно стал набирать скорость. Впереди был длинный путь.

Они проехали всю Польшу, часть Германии и Голландии. Останавливались на таможнях. Там проверяли целостность пломбы на дверях, подписывали какие-то бумаги, и рефрижератор «с мороженым мясом» продолжал свой маршрут согласно накладной. Окончательно остановились только через сутки на берегу одного из многочисленных каналов, в пяти километрах от города Амстердама в королевстве Нидерланды.

Вокруг хилый лес, жилья никакого, дорог тоже. У берега стояла пришвартованная баржа с закрытым верхом. Тут

же крутились с десяток охранников в чёрных комбинезонах с оружием и дубинками. Рядом два микроавтобуса, такие же, как в Варшаве.

– Опять матрацы замочили, стервы! На вас не наберёшься, – по-русски орал один из охранников, взобравшийся внутрь фургона в только что открытые двери. Он ногами толкал тела связанных беззащитных женщин, проверял, живы или нет, потом позвал на помощь другого охранника. Вместе они взяли одну «стерву» за руки и за ноги и сбросили на землю. Тело упало, девушка зашевелилась и застонала. Подошли ещё двое и унесли её внутрь баржи. Потом из фургона полетело следующее тело, потом следующее...

Очнулась новая партия девчонок в трюме. Все голые, привязанные жгутом за одну руку к спинкам кроватей. Кроме них, там было ещё десять таких же надеявшихся быстро заработать. У каждой рядом с кроватью таз и кувшин с водой из канала. Хочешь – пей, хочешь – мойся, хочешь – мочись туда. Что хочешь, то и делай! Не успели очухаться – в трюм вваливаются человек двадцать мужиков. Не охранники. Одеты по-разному. Видимо, местные рабочие или эмигранты. Многие по-русски говорят, но плохо. И понеслось...

Отбиваться бессмысленно, да и невозможно. Все позиции продуманы и просчитаны, привязанную руку меняют каждые три часа, тазы выносят, воды в кувшины доливают. Иногда на ночь женщин накрывали грязными простынями. Утром всё «по-новой». В день таких заходов было по четыре-пять. Это приносило владельцам «предприятия» доход в пять тысяч долларов за сутки. Сто пятьдесят в месяц и только с одной баржи, которая никуда не плывёт! Сколько их тут в округе: арабов, негров, рабочих из Азии? Женщин на всех хватит.

Маша всё поняла ещё там, в Польше, когда увидела фургон. Главное было узнать, где они находятся? Что будет с ними потом? Ведь ясно, что они живые свидетели похищения и рабства в центре цивилизованной Европы. От них потом нужно как-то избавляться. Но как? При всём своём воображении Маша не могла придумать счастливую концовку. Оставалось ждать. Мучиться и ждать.

Кто сопротивлялся и мешал удовлетворять естественные потребности, того нещадно били. Сначала при всех, в следующий раз выносили наружу. Там тоже долго слышались крики несчастной, но, в конце концов, они куда-то удалялись. На освободившемся месте появлялась новенькая. После первых же избиений сразу объявились желающие докладывать охране о любых попытках побега.

У Марии ещё от рано умершей матери, которая научила её шить, была привычка носить тоненькую тряпочку на шее, типа украшения. Её не сорвали. Даже не заметили. А там, в этой тряпке, был кармашек с иглой и ниткой, причём нитка размечена узелками на куски по двадцать сантиметров.

Подходил к концу целый месяц мучений. Она уже поняла, что сделают с ними потом. Больше месяца не выдерживали, заболели. И чтобы избежать заражения, девушек просто увозили и, видимо, где-то топили в канале. Мария научилась заманивать из каждой партии того, кто ей казался почище. Это хоть как-то уменьшало риск заболеть. Пока всё проходило благополучно, если здесь вообще уместно такое слово.

Однажды она упростила очередного мужика перенести её на другую, свободную кровать рядом с иллюминатором. Тот долго мучился, пока отвязывал её, потом привязывал, но теперь Маша была совсем рядом со светом и могла видеть, что творится снаружи. Ночью она замерила ниткой диаметр отверстия иллюминатора. Здорово! Она точно пролезет. Нужно совсем немного: знать, что там за окном? Куда идти и в чём?

Всё предстояло делать немедленно. Ещё не ясно, как отнесутся местные охранники к тому, что её перенесли на другую кровать. Маша начала иглой рвать верёвку на левой руке. Осторожно, медленно, нитку за ниткой. Через два часа ей стало достаточно рвануть рукой, и верёвка развалилась на кусочки. Той же иглой она принялась рвать матрац на полосы, потом кое-как сшила из них трусы и майку. Нитка закончилась на последнем шве.

Внутри баржи было темно. Охранник вышел из трюма, наверное, в туалет. Все вокруг спали. Маша медленно, ни с

кем словом не перемолвившись, поднялась, потянулась рукой к иллюминатору, повернула шпингалет, и спасительное окно наружу раскрылось. Она приподнялась на цыпочки, потом наступила на край тумбы с канатами и вылезла по пояс в иллюминатор. Осталось только соскользнуть вниз, цепляясь руками за шершавый некрашенный борт.

5.

Начиналось первое мая. Праздник солидарности трудящихся всей планеты. Трещали сверчки и квакали лягушки, было очень много комаров. Надо же! Мария совсем их не чувствовала там, внутри клоаки. А здесь, на свободе, они сразу стали мешать, жужжать, кусать и преследовать.

К отделению полиции Нелидова добиралась наугад, через парк, по тропинкам из мелкого гравия. Тут и там попадались тускло светящиеся экономящие фонари. Босые ноги все исколоты острыми мелкими камушками. Крови не видно, но царапины испещрили ступни. Всё тело болело. В парке, по которому ей пришлось идти, время от времени ей попадались мужчины и женщины, блуждающие в каких-то умопомрачительных одеждах или в накидках из перьев тропических птиц. В руках они несли бумажные вертушки оранжевого цвета. На раскрашенных лицах читалось полное безразличие. То ли напились, то ли обкурились. Некоторые прямо тут же справляли нужду. Маша, босая, расстрёпанная, в своих полосатых трусиках и майке похожая на узника концлагеря, почти ничем не выделялась на фоне этого праздника «Первомай». Длинные голландцы, будто клоуны на ходулях, смотрели на неё сверху вниз. Всем было на всех наплевать.

К утру за кромкой редких деревьев наконец-то стали мелькать каменные дома с высокими крышами, проезжали редкие машины. Прямо около парка стояло одноэтажное здание. Его окна светились жёлтым цветом, рядом много машин с длинными мигалками поперёк всей крыши кузова и со словом “Politie” на дверях. Маша остановилась. Ей хотелось ворваться внутрь, упасть на пол и закричать. Закричать изо всех сил, колотя руками по полу. Последние

деревья небольшого сквера ещё отделяли её от полицейского участка. Она уже собралась выходить из-за укрытия, как рядом с входом резко затормозил знакомый обшарпанный микроавтобус-развалюха. Из него выскочили трое охранников в чёрном. Уверенно, как к себе домой, они вошли в отделение полиции. Маша напряглась и попятилась назад, потом повернулась и изо всех ног бросилась прочь.

Вчера в Нидерландах праздновали День рождения королевы. Сегодня 1 Мая. А что завтра? У Марии в голове была только одна мысль – добежать бы до людей и свалиться на пол где-нибудь... Хотя в магазине, хоть...

Майским утром в Амстердаме быстро становится светло. В это время на окраине города почти нет людей. Редкий автомобиль проскочит под мигающий светофор, где-то в стороне бесшумно проскользнёт пустой трамвайчик, по специальной тропинке проедет велосипедист с сумкой на багажнике. Владельцы маленьких магазинчиков поднимают тяжёлые металлические жалюзи, открывая красочные витрины с едой, одеждой, всякой бытовой техникой, беспорядочно расставленной на подсвеченных стеллажах.

После первой неудачи с местной полицией Мария Нелидова долго не могла прийти в себя. Она закрылась в уличной кабине с туалетом, погасила свет и, трясаясь то ли от холода, то ли от страха, наверное, впервые остро почувствовала свою беспомощность. Что делать дальше? Куда идти? К кому? Было ясно, что придя в магазин или в чей-то дом, она сильно рискует. Языка не знает, без документов, одежды – и той нет. Её просто не поймут или того хуже – подумают, что специально так нарядилась, чтобы еду просить. В полиции, конечно, оставят и наверняка посадят в отстойник за решёткой. Потом разберутся, а может, и вытолкают в три шеи, чтобы не заниматься нелегальным эмигрантом. А вдруг вообще все связаны одной верёвочкой, как в том отделении у парка...

Самое противное – уходило драгоценное время. Гады могли запросто смяться вместе со своей баржей. Ведь те, которых она видела около здания полиции, мелькали не просто так: наверняка забили тревогу и сейчас ищут её по всему городу.

Мария только сегодня ночью, пробираясь сквозь парк, поняла, что она не в Польше и даже не в Германии, а в Голландии. Она и английского-то не знала совсем, а уж этого... Горланят, как лебеди – вообще ничего не понять. Ой, как правильно, что не сунулась в чей-то дом! Ей рассказывали, что в Голландии вообще не терпят никаких отклонений от нормы. Всё, что выделяется из ровного ряда, противопоставлено. Везде и во всём. И в поведении, и в работе, и даже в незакрытых занавесками окнах всех жилых домов.

Но главное – другое. Перво-наперво нужно погасить жгучее желание немедленно наказать всех своих обидчиков. Так быстро это не делается! В чужой стране – тем более. А-то, расслабилась! Ещё ничего не кончилось. В любой момент найдут и поймают. Значит, что? Переждать! Затеряться где-нибудь... Одеться и только после этого отправляться искать справедливость. Одеться... и помыться. Помыться? Точно! Где у них тут баня?

Прихватив брошенную кем-то литровую пустую бутылку оранжевого цвета, Маша припустила босиком прямо по улице. Она бежала быстро и размахивала тарой из-под фанты, стараясь быть похожей на тех разукрашенных мужчин и женщин, которых совсем недавно видела в парке.

6.

Через два или три квартала на стене дома мелькнуло знакомое слово “sauna”. Его на любом языке узнаешь.

Было рано. Однако у «горластых» голландцев всё не как у людей, – вспомнила Мария, – в баню тоже, небось, ходят в любое время и в любой день.

Пробравшись сквозь высокий забор из колючих кустов барбариса, вся исцарапанная, она очутилась на площадке под открытым небом, где на длинной перекладине висели деревянные бочки с водой. Такие переворачиваются, стоит только потянуть на себя верёвочку. Всюду, как в саду, росли кусты можжевельника. Тропинки из плоского камня вели от забора прямо в зал, откуда на прохладный утренний воздух валили белые клубы пара. Нужно было согреться и присмотреться, где что лежит. Понять, когда открылось это

заведение, чтобы сообразить, когда из него смыться. Само помещение, где размещались парные, отделяла стеклянная дверь. Внутри ничего не видно – сплошной пар. Мария наконец-то сбросила с себя так выручившие её полосатые одеяния, на ощупь прошла в одну из комнат и очутилась в турецкой бане.

Человек пять, мужчины и женщины, голые, молча, сидели на тёплых мраморных сидениях. На потолке светились маленькие синие лампочки, будто звёздное небо. У входа на деревянных крючках висели белые простыни и разноцветные халаты. Марии так хотелось сразу же взять себе один, тёплый, махровый... Впервые за последний месяц хоть что-то на себя надеть, кроме тех самодельных полосатых трусиков и майки. Нет, нельзя! Рано. Она завернулась в чью-то простыню и прошла в другой зал, где в самом центре горел камин. Вокруг размещались лежаки с шерстяными, но мягкими, не кусающимися одеялами. Вдоль стены – стеклянные полки с фруктами, соками и различными салатами. Их можно было есть сколько угодно. Мария наелась досыта и улеглась спать. Дрова приятно потрескивали в камине, от него в разные стороны распространялось ласковое тепло. Она мгновенно уснула.

Часа через два, когда воспалённый мозг остыл, и можно было спокойно рассуждать, Мария проснулась и довольно быстро сообразила, что делать дальше. Украсть одежду и идти искать... легальных конкурентов той поганой баржи.

Взять чужую одежду оказалось не просто. Железные шкафчики, где хранилось всё снятое с себя посетителями бани, закрывались с помощью магнитного ключа. Такой, будто маленькие часики, был на руке у каждого. Мало того что этот ключ придётся с кого-нибудь снять, на выходе его нужно будет подносить к считывающему устройству. А там сразу определяют, пользовался ли ты дополнительными платными услугами, например, посетил ресторан или массажный кабинет. И если да, тогда придётся за всё расплачиваться. Не узнав всего набора уловок против воровства, можно было легко попасться, так и не начав никакой борьбы за торжество справедливости. Конечно, можно взломать

чем-нибудь дверь шкафчика для одежды, но тогда придётся уходить тем же путём, через колючий забор... Марии этого не хотелось. Должно быть, изнежилась в тепле и чистоте. Да и лишний раз привлекать внимание не стоило.

Она побродила по коридорам, заглянула в массажный кабинет, в парикмахерскую, зашла в помещение без надписи на дверях. Маша оказалась в большой комнате со стеллажами вдоль стен и с одной дежурной лампочкой на потолке. Это был Клондайк! Шампунь, гели, туалетная вода, косметика, махровые халаты любых расцветок... В углах на обыкновенных металлических крючках висела чья-то одежда, видимо, работников бани. За корзинами с простынями и халатами виднелась ещё одна дверь. Нелидова осторожно приоткрыла её и увидела вестибюль бани, где посетители платили за вход, кодировали свои магнитные ключи и где размещались бутики с бельём и спортивной одеждой. Здесь можно запросто смешаться с празднично шатающимися голландцами, решившими наконец-то смыть с себя столь актуальные вчера праздничные оранжевые краски, густо покрывавшие их тела.

Надев на себя чужую одежду, прихватив по банке шампуня и геля для душа, Мария Нелидова уверенным шагом направилась к выходу, покинула баню и двинулась на поиски квартала «Красных фонарей». Она ни на минуту не сомневалась, что ей, совсем не знающей ни местного языка, ни английского, тем не менее удастся всё рассказать и, главное, кого-то уговорить пойти вместе с ней полицию.

7.

Маша разыскала самый большой публичный дом в Амстердаме. Это было несложно. Все иностранные туристы только туда и шли. Вот и она вместе с ними оказалась на улице Де Валлен. Там вдоль первого этажа светилось несколько сотен красных окон. Но в них ещё никого не видно. В глубине квартала на массивных деревянных дверях под аркой висела прикреплённая кнопками бумажка с одним словом на английском языке «Administration». Мария вошла. Лестница, которая вела наверх, была настолько кру-

тая, что нужно было подниматься, одновременно опираясь руками на следующие ступени. На втором этаже всего одна открытая настежь дверь. В накурленном помещении трое мужчин. Двое храпели на диванах прямо в одежде, один, в очках и с длинными чёрными волосами, сидел за столом и что-то помечал в журнале. Рядом на тарелке лежал нарезанный на ломтики душистый кусок сала и буханка свежего чёрного хлеба.

В этот «офис» каждый день входило так много всяких женщин, что находящиеся в «офисе» мужики были привычны к любым отклонениям от нормы. Но на этот раз, увидев вошедшее чудо, парень разразился хохотом и этим прервал сладкие сны остальных. Они шевельнулись раз, другой, крикнули что-то невразумительное и опять уснули.

В дверях стояла симпатичная молодая особа в очень широких чёрных брюках, походивших на галифе, подвёрнутых снизу почти до колен и подпоясанных широким ремнём. Поверх зелёной футболки с какими-то кривыми оранжевыми буквами был мужской малиновый пиджак без пуговиц с широченными плечами. На босых ногах – туфли на толстом, но высоком каблуке. Большая коричневая кепка набекрень, словно лепёшка, разместилась на милой головке с длинными светлыми волосами. Можно было подумать, что это из цирка пришёл клоун, если бы не милое личико, яркие синие глаза и блестящие волосы, волнами спадающие на плечи. При всём при том от женщины пахло дорогой туалетной водой. Она уверенно вошла в помещение, показала рукой, чтобы парень не вставал (а он и не собирался этого делать), огляделась, обнаружила драное кожаное кресло в углу комнаты и уселась в него нога на ногу.

– Здрас-с-сь- те, – гордо, с серьёзным видом произнесла Мария и для убедительности добавила: – Бонжур.

Черноволосый повернулся к лежащему на диване толстяку и стал его толкать.

– Хэй, Николай, майшка!

Мария совсем не ожидала услышать своё имя, удивилась и, показывая на себя, затараторила:

– Ну да! Я Машка, я Маша!..

Очкарик был из Югославии, он по одному слову считал, что девушка из бывшего СССР и потому решил разбудить своего напарника, который два месяца назад прибыл в Голландию из Украины. Он сказал на сербском «просыпайся», а Марии послышалось её имя.

Нико́ла потянулся, раскрыл глаза и сразу же заржал от одного только вида посетившей их девицы.

– Ты йе клоувн у Украины, – пояснил сидящий за столом.

Чуть успокоившись, украинец спросил:

– Ви хто е?

Голос был такой си́плый, что Мария поначалу не слышала вопроса.

– Я Маша. Я из Питера, – она снова заговорила, тыча рукой в очкарика и как бы удивляясь: «Ведь этот же знает, кто я!»

– Ну, из Питера, и что? Ты от кого?

– Ни от кого. Я сама по себе. Не думайте, не работу ищущ...

– Ну, ну, не тяни!

– А ты выслушаешь меня? Дай слово, что выслушаешь.

– Ну, не хрена себе! Баба, ты чего? Мыла наелась?

– А ты не розумиешь? – встрял третий, видимо, тоже с Украины. Он проснулся и теперь пытался понять, что это может быть общего у его земляка с этой... – Це ж обкурена или грибив надышалась.

А Нико́ла вдруг вспомнил правила рыночной экономики, сообразил, что баба вовсе не украинка, и добавил:

– А ты мне – что за это?

– Ты выслушай, а потом решим. Ну что тебе, только послушай.

– Во настырная! А давай! Но потом... будешь неделю на меня горбатиться. Как?

– Да запросто! Только чего ж неделю-то? Можно и подольше.

Пригладив обеими руками свои белокурые волосы, Мария подумала, как однообразен этот мир, но тем не менее всем своим видом постаралась показать, что ей действительно не привыкать к тому, что требовал от неё Нико́ла.

Через два дня нелегальные конкуренты «Красных фонарей» были найдены. Женщин отправили в больницу, баржу отбуксировали, её владельцев арестовали: и номинальных, и настоящих. Охранники открыли огонь по полиции из китайских помповых ружей, их застрелили, двоих водителей микроавтобуса и троих полицейских, тоже связанных с бандитами, быстро разыскали и упекли. Две девчонки из тех, что ехали вместе с Марией в поезде, согласились стать свидетелями. Третью ещё раньше куда-то утащили охранники.

Нелидова, как первая сообщившая о преступлении, должна была проходить по программе защиты свидетелей. Ей выдали вид на жительство, предложили спрятать. Но Мария отказалась, решив, что она сама не хвора и сумеет спрятаться не хуже. А где самое лучшее место, чтобы никто не догадался. Да здесь же, у Никóлы... в «Красных фонарях». Милое дело! Как будто ничего и не менялось. Только покомфортнее, да ещё деньги дают.

Больше года шли судебные разбирательства. Тем двум свидетельницам, которых укрывали власти, не повезло. Одна исчезла. И как её ни искали представители правоохранительных органов, всё напрасно. Другую бандиты нашли и пытались убить. Но она выжила, хотя её бёдра и руки надолго запомнят удары ржавой железной трубой.

Всё это время Мария продолжала трудиться по специальности, приобретённой ею в цивилизованной Европе. Она выплатила аренду своего окна за три месяца вперёд, сняла квартиру, зарегистрировала брак с молодым местным художником, который продавал свои амстердамские этюды около музея Ван-Гога. Потом всё закрутилось, как в детском калейдоскопе: получила нидерландское подданство, родила мальчишку, развелась, как мать-одиночка добилась всех положенных по такому случаю пособий и ещё бесплатно получила приличную квартиру в пригороде Амстердама. Чуть ли не по указу самой королевы Беатрикс.